

УДК 811'42:070:004.77:616-036.21

DOI 10.52928/2070-1608-2024-70-2-91-95

ТАКТИКА САМОДИСКРЕДИТАЦИИ В НАУЧНОМ ДИАЛОГЕ

канд. филол. наук, доц. **О.Н. ЧАЛОВА**
(Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины)
e-mail: oksana-chalova@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с расширением границ научной коммуникации, с проникновением в научную сферу элементов других типов дискурса. В работе признается и обосновывается, что к числу таких элементов можно отнести некоторые рефлексивно-оценочные и ссылочные речевые действия, являющиеся атрибутами любого, но только не персуазивного, общения (к последнему, между тем, относится и научное). С одной стороны, эти действия временно понижают профессиональный статус (дискредитируют) своего производителя (что, казалось бы, должно противоречить тактике позитивной самопрезентации ученого), а с другой стороны – ориентированы на выполнение ряда важных функций, например, функции уклонения от критики, что оправдывает их использование в научной речи.

Ключевые слова: дискурс, научный дискурс, научная дискуссия, речевая тактика, оценочные высказывания, принципы конструктивного общения.

Введение. Если высказывания, дискредитирующие научную позицию оппонента, неоднократно становились объектом исследовательского интереса (см. подробнее работы по вопросам корректной и некорректной критики в научном дискурсе [1–5 и др.]), то сообщения ученого, ориентированные на дискредитацию собственного профессионального поведения, в том числе и речевого, не подвергались специальному лингвистическому описанию, в то время как учет их прагматических особенностей в практике научной коммуникации мог бы способствовать повышению эффективности речевого общения в сфере науки.

В связи с этим **цель настоящей статьи** состоит в выявлении основных приемов самодискредитации (самокритики, умышленного представления себя в невыгодном свете, указания на ошибки и пробелы в своей работе) и в оценке степени их оправданности в научном диалоге. Материалом исследования послужили стенограммы русскоязычных научных дискуссий (научных конференций, семинаров, форумов, круглых столов), ссылки на которые приводятся в списке литературы ниже. Исторические рамки материала: от 2000-х гг. до наших дней. Процедура отбора исследовательского материала включала в себя два этапа: 1) извлечение из текстов научных дискуссий высказываний с маркерами самодискредитации (с применением метода контекстуального анализа); 2) дифференциация приемов, реализующих тактику самодискредитации.

Конечно, научный дискурс слабо ассоциируется с понятием целенаправленной самодискредитации, поскольку ведущими интенциями участников научного общения являются доказательство состоятельности собственной точки зрения и убеждение научного мира в правомочности своих положений и выводов. Действительно, в ядерных монологических жанрах научного общения вряд ли возможно обнаружить осознанное использование коммуникантом речевых действий, подрывающих доверие к своим же собственным словам, поскольку это противоречит ключевым целям и стратегиям научной коммуникации. Однако прагматическая специфика такого жанра научной речи, как **устная научная дискуссия / научный диалог** (с присущими ей полемическим характером, спонтанностью и др.), под которой понимается обсуждение учеными конкретной исследовательской проблемы на научном форуме любого формата, фактически подтверждает обратное. Так, согласно результатам нашего анализа, практически в любом научном диалоге можно обнаружить сообщения, которые открыто побуждают адресата относиться к речевым и мыслительным действиям автора этих сообщений с той или иной долей сомнения, например: *И, предвидя твой вопрос, хотела еще мысль сказать в порядке бреда, но она не отсюда: в общем, я бы предположила, что эта ситуация, о которой я говорила раньше, когда какие-то кооперации уже начали складываться, но они не транслируемы, не воспроизводимы, часто не описуемы (к тому же, поймите, если она есть, то здесь она сработала)* [6].

Как видно из примера, автор приведенной реплики дает собственному высказыванию отрицательную оценку (*хотела еще мысль сказать в порядке бреда*), что в определенной степени подрывает её авторитет как аргументатора и апеллирует к недоверию адресата. Тем не менее в данном случае негативная оценка и признание дискуссионного характера своих положений оказывается вполне оправданной, поскольку используется стратегически: во-первых, она представляет собой весьма эффективный способ уклонения от критики, ведь фактически лишает адресата возможности первым признать небесспорность взглядов собеседника, а во-вторых, способствует актуализации Принципа Вежливости Дж. Лича, в частности максимы скромности.

Основная часть. По нашим наблюдениям, в устной научной дискуссии **тактика самодискредитации** реализуется посредством двух основных приемов: а) **негативной самооценки** (отрицательной оценки своих профессиональных действий, в том числе и речевых) и б) **ссылок на неуверенность** в правомочности своего ответа.

Рассмотрим каждый прием подробнее.

1. Негативная самооценка. Оценка представляет собой фундаментальное свойство научной речи. Однако в отношении самооценки, тем более негативной, дела обстоят особым образом, а характер её употребления зависит

от специфики формата научной речи: так, в традиционных научных жанрах (статье и монографии) количество использований негативной самооценки стремится к нулю, в то время как для диалогической научной речи (с присущей ей относительно высокой степенью коммуникативной свободы и произвольности) негативная оценка самого себя является вполне приемлемым аксиологическим феноменом.

Так, в примере ниже участник научной дискуссии дает себе как докладчику негативную оценку (присваивает отрицательную характеристику), однако делает это не с целью понизить свой профессиональный статус, а оправдать безынициативность аудитории на этапе обсуждения доклада: *Я считаю, что, несмотря ни на что, имело место коллективное методологическое мышление, хотя и слабенькое – в силу немогущности меня как докладчика* [7]. Другими словами, в приведенной реплике негативная самооценка не столько ориентирована на умаление своих заслуг, сколько на поддержку коммуникативного партнера и, таким образом, представляет собой способ соблюдения формальных аспектов научного диалога, является средством реализации бесконфликтного общения и в этом смысле соотносится с понятием так называемой негативной вежливости, по сути предполагающей компромисс между искренностью и правилами этикета.

В научном диалоге прием негативной самооценки и преуменьшения своих достоинств может носить и менее резкий и уничижительный характер, например репрезентироваться посредством указаний на свои недостатки под видом предположения, а не уверенной констатации, что одновременно повышает и статус собеседника, и уровень искренности коммуникации, которая (искренность) играет далеко не последнюю роль в поддержании гармоничного общения, ср.: *Возможно, это у меня недопонимание, возможно, я отстал, как старый паровоз*. В данном случае негативная самооценка смягчается за счет повторяющегося модального слова «возможно», а также указания на частичное, а не полное непонимание (*у меня недопонимание*) и создания комического эффекта посредством соответствующего сравнения (*как старый паровоз*). Такая смягченная форма отрицательной характеристики самого себя позволяет избежать крайностей, придает самокритике более толерантный и правдоподобный характер, то есть параллельно с обращенностью и вежливым отношением к адресату демонстрирует большее стремление коммуниканта к самораскрытию (ср.: *Хотя на предложенную тему мне не раз приходилось говорить, не уверен, что смогу уложиться в 30 минут. Вряд ли помогут тезисы – они мне кажутся довольно корявыми*).

Из сказанного можно заключить, что в научном диалоге между характером выражения самокритики, с одной стороны, и уровнем искренности сообщаемого, с другой, обнаруживаются определенные корреляции: чем более категоричную и резкую форму выражения имеет самокритика, тем менее искренней и правдоподобной она является, тем сильнее она нарушает такие принципы кооперативного общения, как принципы качества и способа, вводит в заблуждение и затрудняет понимание цели сообщаемого, что, однако, не противоречит максимам вежливого речевого поведения, сформулированных Г. П. Грайсом, ср.:

(1): *Готовя доклад, я не решал никаких проблем и даже не пытался проблематизировать. Я решал задачу. Я решал эту задачу, и, видимо, я плохо её написал и плохо выступал...* – (2): *Ужасно* [8, с. 351].

Либо Вы меня неправильно поняли, либо я плохо рассказывал. Культура, конечно, живая система – как живые виды, как множество всего живого [9, с. 303].

Если в примере № 1 резкость и категоричность самокритики приводит к тому, что ситуация выбора между категориями Дж. Лича (в частности, способа) и максимами Г. П. Грайса разрешается в пользу вторых в ущерб основным интенциям участников научной коммуникации – отстоять свою точку зрения в процессе познания окружающего мира (и это незамедлительно вызывает негативную реакцию со стороны оппонента), то в примере № 2 благодаря смягчению самокритики за счет апелляции к возможному недопониманию со стороны собеседника баланс между постоянно конкурирующими Принципом Кооперации и Принципом Вежливости восстанавливается, отчетливо прослеживается готовность аргументатора донести до окружающих суть собственной идеи, убедить их в правомерности своих доводов и выводов при полном соответствии этикетным нормам научного диалога.

Похожий компромисс между принципами и стратегиями научной коммуникации можно обнаружить и в случае негативной оценки *собственного вопроса*, то есть его характеристики в качестве «странного», «бессмысленного», «глупого», «каверзного» и др.:

Я задаю вопрос: есть ли какие-то границы? Вопрос вроде бы бессмысленный, потому что ответ один: границ нет, лишь бы корректно применять. Есть ли границы применения этих схем? Я поясню на примере схемы мыследеятельности [10].

Георгий Петрович, у меня есть вопрос – противный, но, по-моему, очень важный. Если методология претендует на решение задачи с формулированием мировоззрения, то науку и философию она «снимает». А вот что делать с религией? [11]

Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу [9, с. 238].

Я же позволю себе задать Вам несколько хулиганский вопрос. <...> Скажите, пожалуйста, когда же, на Ваш взгляд, русское солнце было в зените? [9, с. 240]

Мой вопрос слегка провокационный – вполне в духе предыдущих [9, с. 242].

С одной стороны, может показаться, что автор таких реплик открыто призывает адресата отнестись с сомнением к правомерности своего вопросительного действия, что противоречит коммуникативным интересам и потребностям спрашивающего и, в определенной степени, дискредитирует его, или же хочет поставить коллегу в затруднительное положение, чем нарушает максимы Принципа Вежливости. Однако в реальной практике научной коммуникации истинная цель дискредитирующих действий по отношению к своим вопросительным высказываниям совершенно противоположная, и экспликация негативной оценки в структуре своего вопроса фактически

является своеобразным способом проявления заботы о собеседнике, предупреждения последнего о возможных трудностях, с которыми тот может столкнуться на этапе ответа, что полностью согласуется с принципами толерантного общения, а именно максимой великодушия Принципа Вежливости Дж. Лича. Более того, отрицательная оценка собственного вопроса позволяет избежать возможной критики этого вопроса со стороны речевого партнера. Так, в нашем корпусе научных дискуссий не было обнаружено ни одного случая негативной реакции оппонента на вопрос с элементами негативно-оценочной рефлексии. Напротив, все реактивные действия оппонента можно квалифицировать как нейтральные или даже позитивные, способствующие укреплению авторитета спрашивающего (*Вот такие наивные вопросы у меня к Вашему докладу. – Нет, вопросы Ваши совсем не наивные – напротив, я считаю их самыми существенными* [9, с. 238]).

Подытожить все вышесказанное можно конкретизацией **функций**, которые выполняет негативная самооценка в научном диалоге. Как было показано выше, помимо своей первоочередной задачи, то есть собственно **оценочной** функции, отрицательная оценка своих действий призвана выполнять **защитную** роль (уклонение от критики оппонента), **этикетную** (привести сообщение в соответствие с нормами вежливого и толерантного общения, сделать приоритетом внимание к речевому партнеру, его потребностям и интересам) и **экспрессивную** (особенно в случае использования эмоционально-окрашенных лексических единиц или ярких эпитетов, которые в научном диалоге фактически приобретают способность выражать интеллектуальную оценку).

Такой богатый функциональный потенциал негативной самооценки фактически превращает ее в своеобразную уловку и хитрость, то есть манипулятивное средство воздействия на адресата, что, однако, не лишает негативную самооценку истинного дискредитирующего начала по отношению к ее автору.

2. Ссылка на неуверенность в своем ответе. Равно как и смягченная негативная самооценка, ссылка на неуверенность является относительно безопасным для конкретного аргументатора и научного диалога в целом приемом самодискредитации, поскольку устраняет возможность серьезного противоборства фундаментальных принципов конструктивного общения. По нашим данным, ссылки на неуверенность в своем ответе могут принимать разные формы, а именно:

– **указаний на возможную ошибочность собственного мнения** (*Пётр, ты предложил мне два способа продолжения. Я скажу, как я их различаю. Может быть, я в чём-то ошиблась. Первый способ: в манере пространства методологической работы я описываю, какого рода работы я буду проделывать, осуществляя то, что мы с Наташей назвали ретроспективным анализом <...>* [12]);

– **указаний на возможную неприемлемость своего ответа** для индивидуального или коллективного адресата: *Это очень хороший, совершенно законный вопрос, но я не уверен, что характер моего ответа удовлетворит вас <...>* [8, с. 546];

– **ссылки на незнание / некомпетентность** (*Я не специалист в этой структуре, но я понимаю это так: все одинаковые или близкие, кроме крепкого хозяина, все остальные одинаковы. Столыпин кому-то дал возможность вырваться вперед, кому-то – недотянуть, т. е. началась разноразмерность* [13]).

Каждый из этих способов передает разную степень неуверенности в своем ответе. На наш взгляд, наименьшую степень неуверенности в своей правоте демонстрируют **апелляции к возможной ошибочности** своего мнения, которые вообще могут носить чисто условный характер (*Очевидно, что именно сейчас речь идет об «окончательном» социальном выборе в пользу развития или деградации. Очевидно, что потенциал развития стремительно минимизируется. Все эти очевидности в сумме дают самые неблагоприятные прогнозы. В которых очень хотелось бы ошибиться* [9, с. 319]), а также **указания на возможную неприемлемость ответа** для адресата, поскольку эти указания констатируют не столько неуверенность в своих знаниях, сколько неуверенность в способе их донесения и готовности адресата ее воспринять (*Я попробую ещё раз ответить на этот вопрос, хотя не уверен, что это пояснение удовлетворит вас больше, чем предыдущее <...>* [8, с. 547]). В то же время максимальную неуверенность говорящего в достоверности сообщаемого транслируют **ссылки на незнание / некомпетентность**, под которыми следует понимать признание в отсутствии или нехватке сведений для предоставления удовлетворительного ответа (*Не знаю. Это схема организации моей работы. Что там получится: одна теоретическая конструкция или много, по авторам, по этапам, – этого я сейчас не знаю* [14]).

Строго говоря, в изучаемом типе коммуникации обнаруживаются **две разновидности ссылок на незнание:**

– использующаяся вместо ответа (как способ отказаться / уклониться от ответа): (1): *Скажите, пожалуйста, как вы представляете педагогическое содержание личности?* – (2): *У меня пока нет никаких ассоциаций по этому поводу* [15, с. 168];

– совмещенная с полноценным ответом или попыткой ответа (как способ подстраховки в случае неправильного ответа, как средство предупреждения собеседника о возможной неточности предоставляемых сведений, лишения его повода высказать замечание, демонстрации критического и аналитического отношения к своим высказываниям): *Это очень сложная проблема. Я не считаю себя достаточно компетентным, чтобы прописывать конкретные рецепты. Но с моей точки зрения, возможности есть* [16].

Безусловно, особый исследовательский интерес представляет именно вторая разновидность ссылок на незнание, поскольку она в большей степени соответствует принципам научного диалога, не нарушает требований информативности, располагает более широкими прагматическими возможностями – позволяет адресату следить за ходом мысли аргументатора, за динамикой формирования у него концептуального видения проблемы, а аргументатору – собраться с мыслями, поразмышлять и выиграть время для более или менее полноценного ответа: **Про**

древнюю культуру ничего не могу вам сказать. Как мне представляется, вся суть высокоритуализованной культуры (вы говорите о шумерской, у меня о ней очень смутные представления) состоит в том, что твоя жизнь разделена на разные области, и в разных областях ты себя чувствуешь по-разному и играешь разные роли [17].

Еще более безобидным характером отличается ссылка на незнание, которая относится не ко всему ответу, а лишь к его части (*Если брать классическую философскую линию и, видимо, все философские дохайдеггеровские или догуссерлевские линии (я не специалист, не знаю), то там это простой постулат. Разговор как Щедровицкого, так и Леонтьева о деятельности как о том, что вообще наблюдаемо в данном историческом срезе, для всех этих классиков, немцев вообще немислим, это полная дурь. В этом смысле они совершенно о другом [18]).* Но даже такой относительно безопасный для научного диалога вариант ссылок на незнание с его серьезным прагматическим функционалом, обусловленным спецификой устного научного диалога (быстрой сменой реплик, «живым», экспромтным характером общения), не устраняет элемент дискредитации в подобных репликах в связи с их принципиальной направленностью на обнародование уязвимых мест своей работы и пробелов в своих знаниях. Тем не менее конечной целью самодискредитации является обеспечение достижения глобальных целей научного диалога, создание речевого комфорта, что оправдывает их употребление в нем.

Заключение. В заключение обобщим сказанное. Диапазон разновидностей самодискредитации в научном диалоге не отличается широтой и, по сути, ограничивается всего двумя приемами – негативной самооценкой (резкой или смягченной) и ссылками на неуверенность в своем ответе, представленными тремя вариантами: ссылками на незнание, на возможную ошибочность своего мнения и на возможную неприемлемость ответа. Небольшое количество форм самокритики объясняется её компрометирующей направленностью на субъекта (автора) этой самокритики (то есть самого себя). В то же время способность самокритики как коммуникативного феномена выполнять самые разные прагматические задачи, служить средством реализации принципов толерантного и вежливого общения, максим скромности и одобрения делает её целесообразным элементом научной дискуссии, обуславливающим актуализацию такого типа коммуникации, который является взаимовыгодным сотрудничеством для каждого из его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Тамбов, 2004. – 193 л.
2. Маслова Л.Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2007. – 192 л.
3. Пенина Т.П. Ответные реплики с имплицитным содержанием несогласия в структуре диалогического текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2003. – 189 л.
4. Постоечко И.А. Ситуация несогласия / отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Хабаровск, 2001. – 185 л.
5. Чуриков М.П. Согласие, несогласие и уклонение в аспекте речевого общения (на материале текстов немецких политических интервью): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Ростов н/Д, 2005. – 168 л.
6. Данилова В.Л. Данилова и Розин о ТМ: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2012-2013/schematization/14.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
7. Марача В.Г. Стенограмма обсуждения доклада [Электронный ресурс]. – URL: <https://uchebana5.ru/cont/3478267-p5.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
8. Г. П. Щедровицкий. Философия. Наука. Методология / редкол.: А.А. Пископель (отв. ред.). – М.: Шк. культ. политики, 1997. – 656 с.
9. Современная Россия: Дискуссия (Материалы семинаров Центра россияведения ИНИОН РАН, 2008–2013) / редкол.: И.И. Глебова (отв. ред.). – М., 2014. – 324 с.
10. Калинин В.В. Развитие методологии в сторону феноменологической саморефлексии: стенограмма обсуждения доклада [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/1.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
11. Перспективы и программы развития СМД-методологии: стенограмма обсуждения доклада Г.П. Щедровицкого [Электронный ресурс]. – URL: <https://pandia.ru/text/77/329/69351.php>. (Дата обращения: 26.06.2023).
12. Данилова В.Л. К проблеме вклада ММК в развитие психологии: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/18.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
13. Чудновский Г.И. Столыпинская аграрная реформа: замысел и реализация: стенограмма лекции М. В. Давыдова и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2007/02/08/davydov/>. (Дата обращения: 26.06.2023).
14. Сазонов Б.В. Методология как технология: стенограмма научной дискуссии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/seminars/2004-2005/xichten/7.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).
15. Живая педагогика: Открытость. Культура. Наука. Образование: материалы круглого стола «Отечественная педагогика сегодня – диалог концепций» / Ульяновский институт повышения квалификации и переподготовки [ИППК] работников образования; редкол.: Т.В. Абрамова (отв. ред.). – М.: Народное образование, 2004. – 272 с.
16. Галкин А.А. Фашизм как болезнь общества: стенограмма лекции А.А. Галкина и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2006/05/08/galkin/>. (Дата обращения: 26.06.2023).
17. Зорин А.И. История эмоций: стенограмма лекции А.И. Зорина и ее обсуждения [Электронный ресурс]. – URL: <https://polit.ru/article/2004/06/18/zorin/>. (Дата обращения: 26.06.2023).

18. Эльконин Б.Д. Проблема развития в психологической теории деятельности (ТД) и СМД-методологии [Электронный ресурс]. – URL: <https://refdb.ru/look/1715593-pall.html>. (Дата обращения: 26.06.2023).

Поступила 27.06.2023

SELF-DISCRETING TACTICS IN A SCIENTIFIC DIALOGUE

O. CHALOVA

(Francisk Skorina Gomel State University)

The article is about the expansion of the boundaries of a scientific communication as well as with the penetration of elements of other types of discourse into the scientific sphere. The paper recognizes and substantiates that some reflexive-evaluative and reference speech actions which are usually not attributes of a persuasive communication (including a scientific communication) can be supposed to be such alien elements. On the one hand, these actions temporarily lower their sender's professional status (which may seem to contradict the tactics of a scientist's positive self-presentation), but on the other hand, they are focused on performing a number of important functions, for example, the function of avoiding criticism, which justifies their use in a scientific speech.

Keywords: *discourse, scientific discourse, scientific discussion, speech tactics, axiological speech acts, principles of speech cooperation.*